

Метаморфоз

Максим Александрович Ехлаков

14 апреля 2023 г.

1

Предрассветный сумрак задрожал и раскололся.

«Уууууу!»

Деревообрабатывающий завод, как обычно, первым включил свой гудок, возвещая о наступлении утра.

«Ууууууу!»

Один за другой гудки и сирены присоединялись к мощному хору. «Пора просыпаться! — как бы говорили они. — Новый день настал! Работа ждет!»

Затания выглянула в окно. Улицы уже наполнились людьми, спешившими пораньше успеть на завтрак.

Пора.

Быстрые сборы — и вот она уже вливается в толпу, неостановимо текущую к Пищеблоку.

Люди шагали неспешно, но уверенно, воодушевленные предстоящим трудовым днем. Ах, если бы можно было совсем не есть, чтобы ни минуточки времени не потратить на это утомительное действие. Затания недавно прочитала в новостях, что где-то (она забыла, где) уже разработана жидкая пищевая смесь, которую можно пить из бутылки. Быстро и удобно. Скорее бы эту смесь пустили в производство, тогда

не нужно будет тратить время на поход в Пищевблок, а можно идти сразу на работу. Как тогда повысится производительность, какие трудовые подвиги будут совершаться!

Но чудо-смеси пока нет, поэтому хочешь — не хочешь, приходится питаться здесь. Каждый день, три раза в день. Представив, сколько времени уходит на еду за целый год, Затания ускорила шаг, и вдруг поток людей остановился.

Затания протиснулась вперед. Шеренга солдат встала поперек улицы, сдерживая поток людей.

— Площадь перекрыта, — пронеслось по толпе. — Чужих ведут.

Все завертели головами в тревожном ожидании.

Вскоре показались и сами чужие — пятеро, связанные толстой веревкой. Двое солдат возглавляли процессию, и еще двое шли сзади, погоняя чужих пиками.

Откуда они берутся? Затания прилипла взглядом к жалким, сутулым фигурам. Несколько раз за год солдаты ловят их и уничтожают. Должно быть, они прячутся в руинах или катакомбах, вынашивая там свои злоешие замыслы. Чужие — враги, это всем известно. Но почему они *чужие*? Они выглядели совсем обычно: старые, измученные жизнью люди. Они шли, опустив головы, еле переставляя ноги, шатаясь и вздыхая, и Затания исполнилась презрением. Разве могут эти отбросы быть опасными? Разве можно себе представить, что они злоумышляют против всего человечества?

Внезапно в животе взорвался пузырь страха.

Нет, именно можно, можно представить. Такие жалкие уродцы обычно и совершают злодеяния. Полноценный член общества здоров и крепок, и никогда не поднимет руки на преступление, даже не допустит мысли о нем. Зло и хаос — удел ничтожеств. Значит, все правда, и враги изобличены, и сейчас они перед ней. Страх перерос в ненависть. Затания погрозила чужим сжатым кулаком.

То же ощутили и остальные. Толпа взорвалась проклятиями. Люди вопили и размахивали руками. Кажется, чужих бы с удовольствием разорвали на месте, если бы солдаты не заслоняли их. Затания отчетливо осознала, почему чужие — чужие. Облик — это обман, главное — наполнение. И люди почувствовали это, поняли вражескую сущность пленных. С такими, конечно, нельзя сделать ничего другого, кроме как предать смерти, и как можно скорее. В какой-то миг Затании даже показалось, что чужие — и вовсе не люди, а огромные мерзкие твари. Давить их! Давить! Она даже укусила себя за руку от невозможности немедленно расправиться с отвратительными врагами рода человеческого.

Следом за проклятиями в чужих полетел мусор. В ход шло все: пустые бутылки, недоеденные овощи, книги, обувь. Но пленные лишь сторбились еще сильнее. Не пытались защититься, не издавали ни звука, когда летящие предметы ударяли их. Сквозь рев обе-

зумевшей толпы они проследовали через площадь и скрылись за углом.

— На переработку пойдут, — говорили люди, понемногу успокаиваясь. — И поделом!

Буря ненависти утихла так же быстро, как и началась, и солдаты освободили проход.

Кто-то принялся торопливо искать в кучах мусора свои брошенные вещи, но большинство продолжило движение в Пищевлок: на завтрак оставалось совсем мало времени. Люди старательно перешагивали через следы чужих — точнее, через место, где те проходили. Конечно же, никаких следов, кроме разбросанного хлама, на мостовой не осталось, лишь остатки отворачивания к врагу заставляли всех это делать.

Затания тоже перешагнула через воображаемый след и направилась к приземистому зданию Пищевлока.

2

Толпа огибала источенные временем колонны, как вода, и вливалась через многочисленные двери в передний зал Пищеблока. Тут она дробилась на отдельные ручейки, и каждый из них устремлялся в свою узкую петляющую дорожку, отгороженную от соседних веревочными изгородями.

Зал наполнился негромкими разговорами и возгласами нетерпения. Затаня отстояла очередь и в окошечке с надписью «Раздача» получила свой завтрак: миску грибной каши, стакан воды и свежий клубень на десерт. Крепко держа поднос, она проследовала в зал приема пищи, с трудом нашла свободное место — в самом дальнем конце у стены, как раз под огромным плакатом с изображением королевы — и принялась за еду.

Здесь работало радио: шла утренняя пищеварительная передача, состоящая из специально подобранной музыки, которая с одной стороны должна способствовать более интенсивному, ритмичному пережевыванию пищи, а с другой — внушать энтузиазм и задавать правильный рабочий настрой на предстоящий день. Время от времени музыка прерывалась бодрыми донесениями с мест: выполнен и перевы-

полнен план, достигнуты показатели, награждены герои труда.

— Затания Каппа, приветствую! — на освободившийся стул напротив уселась соседка Затании по обществу. — Так сложно найти свободное место. Кажется, этот Пищевблок становится слишком тесен, людей все больше и больше. Вы трудитесь не покладая рук!

— Приветствую, Лептанилла Иота. Говорят, скоро откроется второй Пищевблок недалеко от Школы. Говорят, его наконец расчистили от обломков.

— Я тоже это слышала.

Некоторое время ели молча, слушая очередное донесение по радио.

— Ты видела чужих сегодня? — спросила Лептанилла.

— Да. Это было... ужасно!

— А я не успела их увидеть. Надеюсь, в следующий раз получится.

— Зачем? — Затания даже отложила ложку. — Я бы, напротив, никогда больше не пожелала этого.

— Хочу проверить одну гипотезу.

— Что это может быть за гипотеза, если ради нее ты готова на такое?

— Мне не стоит это обсуждать за пределами лаборатории, — ответила Лептанилла. — Это касается того, почему чужие так отвратительны нам. Не правда ли, довольно удивительно, какую бурю ненависти они вызывают в нас одним лишь своим присутствием?

Затания подумала и кивнула.

— Ты права. Я не слишком хорошо помню свои чувства в тот момент, но они были очень сильными. И это вправду удивительно.

Лептанилла кивнула в ответ.

— Именно так. И мы работаем над этим вопросом. Диакамма считает, что мы очень близко подобралась к разгадке. Но нужны эксперименты. Поэтому я...

— Все ясно, Лептанилла. Если это твоя работа, то я не стану больше ничего спрашивать.

Помолчав немного, Лептанилла спросила:

— Впрочем, что это я. Невежливо говорить только о себе. Как у тебя дела на работе?

— Все в соответствии с планом, — отвечала Затания. — Детки растут не по дням, а по часам. Сегодня выпускаем в Школу очередную группу Мю.

— Как, наверное, прекрасно наблюдать, как растут дети.

— О да, это удивительно. Всегда удивительно. Дети — это чудо.

— У тебя потрясающая работа, Затания. И очень важная.

— Столь же важная, как любая другая.

— Позволю себе не согласиться. Другие работы важны, но дети — это наше будущее.

Затания опустила взгляд.

Пищеварительная передача тем временем завершилась, и из динамиков полился тонкий писк. Все

знали, что это значит. Люди повставали со своих мест и вытянулись в ожидании.

Писк оборвался, и диктор торжественно провозгласила:

— Слушайте! Слушайте все! Говорит Королева Фейдоле Альфа!

Снова писк — тоньше, громче и дольше первого, а затем послышался голос Королевы. Она обращалась к гражданам с утренней воодушевляющей речью.

— Люди! — говорила она. — Пусть день будет добрым. Но он будет добрым лишь если мы с вами сделаем его таким...

Как мудра Королева, как прекрасен ее голос! Затания ловила каждый звук каждого слова и наслаждалась. Слова королевы проникали ей прямо в душу и находили там живой отклик, наполняя ее желанием действовать, толкая на трудовые подвиги.

— Дорогие граждане! — продолжала Королева. — В эти нелегкие времена я больше всего на свете ценю вас, ваше стремление сделать нашу жизнь лучше, ваш самоотверженный труд! Каждый день вы доказываете, что нет предела нашим возможностям. И я уверена, что и день сегодняшний не будет исключением, что будут перевыполнены трудовые планы, будут взяты новые рекорды! Я в вас верю!

Речь закончилась, и зазвучал государственный гимн. Затания и сама не заметила, как начала петь вместе с остальными. Казалось, древние стены Пищблока дрожат от тысячеголового хора.

Допев, люди помчались к выходам, торопясь приступить к перевыполнению планов и взятию рекордов. Течение толпы отделило Затанию от Лептаниллы и вынесло наружу. Затания ловко сманеврировала и влилась в поток людей, устремившийся в нужном ей направлении — к Инкубатору.

3

Новое здание Инкубатора было построено с нуля рядом с предыдущим, историческим, от которого пришлось отказаться из-за тесноты. Затания уже не успела поработать там.

— Ну и не надо, — говорила Экофилла Иота, начальник смены. — Ничего удивительного там не было. Вот где чудеса, так это здесь, в нашем новом Инкубаторе. Какие приборы, какое оснащение! Наши ученые потрудились на славу.

Затания смотрела на приборы и оснащение, и не понимала, чему тут восхищаться. Ведь главное чудо творилось *внутри* этих приборов — ежедневно, ежеминутно. В тысячах стеклянных капсул росли и развивались дети.

Однажды Королева посвятила Инкубатору свою вечернюю воодушевляющую речь.

— Не покривлю душой, если скажу, что именно Инкубатору мы обязаны нашим прогрессом. Да-да. Раньше, до того, как он был построен, каждый ребенок развивался натуральным образом самостоятельно, отдельно от остальных. Сколько человеческих ресурсов уходило на это! Сколько внимания и заботы! А сколько детей не доживало до рождения! И только

с созданием Инкубатора мы смогли поставить рождение детей на поток. Превратить его из нестабильного проявления нашей биологической природы в контролируемый производственный процесс. Можно сказать, мы обуздали важную частицу нашего естества и заставили ее служить нам. Деторождение, основание любой цивилизации, наконец-то стало надежным и управляемым, как и полагается основанию. А главное — оно перестало отнимать драгоценные человеко-часы! Я хочу, — на этих словах Затания испытала смешанное чувство гордости и стеснения, — чтобы все вы отдали дань уважения работникам Инкубатора, чей труд позволяет человечеству процветать.

На следующий день, впрочем, Королева таким же образом рассказала о Пищевлке, еще через день о Школе, а потом и о многих других учреждениях, так что про исключительную важность Инкубатора все забыли. Все, кроме Затании.

Экофилла раздала билет-наряды на первую смену, и Затании сегодня досталась камера созревания, предпоследняя в конвейере, ее любимая. Дети здесь почти готовы к рождению. Так интересно наблюдать, как они висят в полумраке своих капсул, подергиваясь в беспокойной дремоте, пока их тела приобретают все более человеческие очертания.

Сегодня из камеры окончательного развития доставили очередную партию эмбрионов, ровно 1010 штук, на один процент больше плана. Затании следовало переместить их в новые крупные капсулы,

проконтролировать состав и температуру питательного раствора, а затем сдать опустевшую тару обратно. Вот и все, больше никаких активностей до конца дня больше не ожидалось.

Затания пошла вдоль рядов с самыми старшими эмбрионами. Все они были живы и здоровы и ждали, когда их заберут в камеру рождения, извлекут из теплой жидкости и научат дышать самостоятельно. Процедура рождения Затании не нравилась. Ведь дети подвергаются такому жестокому стрессу.

Однажды Лептанилла сказала:

— Когда мы рождаемся, мы страдаем. А знаешь, почему?

Затания не знала.

— До рождения мы живем в воде, в теплом, уютном мире. А рождение есть разрушение этого мира. Ребенок не готов к холоду, к воздушному дыханию. Поэтому он кричит от боли и ужаса. А знаешь, почему?

И снова Затания не знала этого.

— Да потому, что вода — это и есть наш истинный мир. Когда-то давно мы жили в воде — после рождения, разумеется. Но однажды оставили водную стихию и перебрались на сушу.

— Почему?

— Кто знает?.. Это давало какие-то эволюционные выгоды. Но наше тело, тело ребенка помнит более ранние, счастливые времена. И знаешь, что? Когда-нибудь мы снова вернемся в воду.

— Зачем?

— Чтобы избавиться от страданий, разумеется! Представь, какую травму переживает ребенок, рождаясь. Как это повреждает его ум. Как это влияет на его взрослую жизнь. А если избавиться от этой травмы, насколько более счастливыми мы сможем стать! А значит, и более производительными! Как ускорится прогресс!

— С этим не поспоришь. Но как мы будем жить в воде? Ведь мы дышим воздухом.

— Ах, если бы я могла ответить, — Лептанилла покачала головой. — Надеюсь, будущие поколения исследователей решат этот вопрос. И рождение перестанет быть травмой. Можно сказать, оно вообще исчезнет! Мы будем просто жить дальше, не рождаясь!

Поток воспоминаний прервался звуком сирены.

Случилось что-то непредвиденное!

4

— Аварийная ситуация в камере роста номер три! Всем сотрудникам немедленно покинуть здание! — объявили по радио.

Затания вышла в коридор и заблокировала шлюз. По Инструкции теперь она должна направиться к выходу — быстро, но без паники, чтобы не создавать давку. Однако... Камера роста — первый из этапов конвейера. Что там могло случиться? Почему из-за этого объявлена эвакуация? Нужно это непременно выяснить. Вдруг там происходит нечто интересное. Пожалуй, не так уж страшно будет, если сейчас она нарушит Инструкцию. Да и не нарушит, если просто ненадолго заглянет в камеру роста и сразу же после этого эвакуируется. Главное же — выйти наружу, но ведь можно выйти несколько позже? На этот счет в Инструкции нет никаких требований. А вот в камере роста совершенно точно творится что-то, что нельзя пропустить, она предельно ясно это почувствовала. Будто бесшумный голос звал ее.

Внутренне ужасаясь своим действиям на грани проступка, Затания приблизилась к шлюзу камеры роста. К удивлению, там уже собралась небольшая группа работников во главе с самой Экофиллой.

— Вы все получите взыскание, — заявила начальник смены. — Строгое взыскание. Неслыханно! Массовое нарушение Инструкции!

— Но ведь и ты тоже здесь, — заметила Маника Каппа.

— И я здесь, — согласилась Экофилла. — И я получу взыскание вместе со всеми.

— Открывайте! — воскликнула Иропонера Лямбда, самый молодой работник смены. — Нет сил терпеть!

— Открывай, — отозвалась Экофилла. — Под твою ответственность.

Иропонера разблокировала шлюз, и сотрудники набились в него, прильнув к стеклянной внутренней двери.

— Кажется, все в порядке, — сказала Маника. — Все на месте... О-ох!

В полумраке камеры промелькнула бордовая тень, и к стеклу двери с обратной стороны прижалось отвратительное лицо.

Оно могло бы быть человеческим... точнее, оно и было им когда-то: остатки кожи еще тут и там свисали с многочисленных колючек, покрывавших все тело существа. Как будто это чудовище разорвало человека изнутри.

Работники отшатнулись в испуге. Монстр поскреб челюстями и когтями по стеклу, оставляя слизистые разводы, а потом скрылся в глубине камеры. Донесся приглушенный звук бьющегося стекла.

— Что оно делает? Оно разбивает капсулы, но зачем... Ох!

— Оно пожирает эмбрионы! — воскликнула Экофилла. — Что же делать?

— Освободить шлюз! — это прибыли солдаты из службы охраны. — В сторону!

Работники послушно выбежали в коридор. Солдаты же вскрыли внутреннюю дверь и вбежали в камеру.

— Вы получите взыскание! — воскликнула Экофилла. — Вход в камеры без защитного костюма воспрещен!

Из камеры донеслись крики и звон стекла, а затем в шлюз ввалилась тварь. Она успела сделать только пару шагов и упала замертво, из спины ее торчала пика.

Затания неотрывно смотрела на странное существо. Совершенно определенно, оно было похоже на человека. Те же пропорции, те же части тела, разве что очень худые. Вместо кожи чудовище было покрыто жесткими бордово-коричневыми пластинами с крупными острыми шипами.

— Разойтись! — рявкнула командир, появляясь в шлюзе. Она склонилась над телом и добавила: — Здесь нечего рассматривать!

— В зал собраний, живо! — Экофилла двинулась первой, работники нехотя потянулись за ней, до последнего оглядываясь на монстра и солдат, сгрудившихся над ним.

— Вы слышали, что вам сказали, — сказала начальник смены, впустив последнего работника и прикрыв дверь зала. — Нечего рассматривать. Инцидент не заслуживает внимания.

— А еще мы видели, что из камеры вышло меньше солдат, чем вошло туда. Это тоже не заслуживает внимания?

— Официальная позиция такова, — Экофилла проигнорировала замечание Затании. — Произошла авария на оборудовании. Утрачена часть эмбрионов. Размер материального ущерба уточняется. Инкубатор продолжает работать в штатном режиме.

— А как же это... нечто? — спросила Маника. — Его что, не было?

— Не было, — кивнула Экофилла. — Дело обстояло так, как я только что описала.

— Но ведь оно было! — воскликнула Иропонера. — Его видели все. И ты тоже видела. Почему ты так говоришь?

— Потому что мы все должны так говорить, — Экофилла повернулась к ней. — Нужно говорить только то, что люди готовы услышать. Слышать о событии, случившемся у нас на самом деле, не готов никто. Поэтому будет лучше...

— Лучше, если мы скроем правду?

— Именно.

— Но ведь люди все равно узнают... — возразила Иропонера.

— Откуда? Солдаты никому не расскажут. Мы тоже. Разумеется, о гибели эмбрионов станет известно. Но у нас есть объяснение этому, и я только что вам его донесла.

Все помолчали, обдумывая услышанное.

— Если об этом происшествии станет известно обществу, если выяснится, что кто-то из нас сообщил о нем кому угодно, взыскание будет суровым. Вплоть до переработки, — подытожила Экофилла. — Теперь все вон из здания, Инструкция все еще действует, эвакуацию никто не отменял.

5

Вся смена Экофиллы вышла во двор и влилась в толпу сотрудников Инкубатора, нервно слонявшихся туда-сюда. Казалось, никто не заметил их позднего прибытия, потому что тотчас прозвучал гудок, зовущий на обед. Напряжение разом спало, все тут же устремились к рыжеватому зданию Пищблока довольные тем, что придут первыми.

Пищезал был еще почти пуст и тих, и все звуки — шаги, звон посуды, скрип передвигаемых стульев — необычно раскатывались гулким эхом. Затания села на прежнее место под плакатом Королевы и принялась было за еду, но вскоре аппетит пропал. Она сидела, размазывая кашу по тарелке, и наблюдала за людьми, а те все приходили и приходили, заполняли свободные места, обмениваясь приветствиями, жевали еду. Над всем этим рокотала музыка из дневной пищеварительной передачи, призванная не только улучшить пищеварение, но и мотивировать на ударный труд во второй половине дня. Обычная картина. Но сейчас Затании казалось, что все это не настоящему, все стены и мебель нарисованы на бумаге, а люди вот-вот превратятся в бордовых чудовищ.

Лептанилла так и не появилась, должно быть, она просто оказалась где-нибудь в другом конце зала. Затания через силу затолкала в себя еду и встала из-за стола.

— Говорит Королева Фейдоле Альфа! — выкрикнула диктор.

Уходить во время речи Королевы — серьезный проступок, поэтому Затания поставила посуду обратно на стол и прислонилась к стене, так как ее стул уже занял другой посетитель.

— Дорогие мои граждане! Мы живем в трудные времена. Враги поднимают голову. Сейчас как никогда важно сплотиться и единым фронтом двинуться в будущее. Труд и усердие станут нашим оружием в борьбе. А чтобы быть сильными, чтобы достигать выдающихся результатов, нужно не так уж много. Нужно сохранять спокойствие и уверенность в своих силах. Если мы будем спокойно, размеренно идти к нашей цели, не размениваясь на пустяки и не поддаваясь на провокации врага, нас ничто не остановит. А уж сил у нас хватает! Достаточно выйти на улицу и оглянуться: все, что мы увидим, все, что окружает нас, создано нашим трудом. Значит, мы можем все. *Вы можете все!* Так вперед, действуйте! И помните: труд *каждого* человека важен, каким бы незначительным он ни казался.

Люди с шумом вскочили с мест и устремились к выходу, спеша скорее двинуться в будущее единым фронтом. Но Затания осталась позади и дождалась, пока

зал опустеет. Эхо шагов и голосов стихло и снова наступила непривычная для этого места тишина.

— И ты здесь? — Маника, Иропонера и Симопельта Каппа, оказывается, тоже задержались.

— Вы тоже это чувствуете?

Иропонера кивнула.

— Все такое... странное, — сказала Симопельта, молчавшая с самого происшествия. — Я себя не нахожу.

— Пойдемте работать, — Затания поманила коллег за собой. — Важно сохранять спокойствие. Вы же слышали.

— Важно, но это нелегко, — заметила Маника.

Затания кивнула, но промолчала в ответ.

Двор Инкубатора был снова заполнен людьми.

— Приказ об эвакуации еще не отменен! — объявила Филидрис Иота, поднявшись на высокое крыльцо.

Все уставились на начальника Инкубатора, ожидая разъяснений.

— Сегодня до захода солнца Инкубатор закрыт! Можете расходиться.

— А работать когда? — крикнули в толпе.

— Завтра утром Инкубатор откроется как обычно. Если есть необходимость, можете выйти на работу сегодня после заката, но это не будет оценено как сверхурочные часы.

— Тогда зачем выходить?

— Чтобы выполнить план! — грозно рявкнула Филидрис. — Это для нас главное! Я говорила и буду

говорить: вы можете работать ровно столько, сколько нужно для выполнения плана. Сколько нужно и когда нужно. Ясно?

— Ясно, ясно, — люди начали, ворча, расходиться кто куда. Шутка ли, все настроились на ударный труд, и такое разочарование.

— Что же делать? — спросила Маника. — Чем мне заняться? Это разъедает меня изнутри. Я могу не удержаться и все рассказать кому-нибудь.

— Тебе следует посетить Лечебницу, — сказала Экофилла, услышавшая жалобу. — Пойдем, думаю, мне тоже не помешает помощь врача.

— Я с вами, — Симопельта даже подняла руку от нетерпения.

Когда коллеги удалились, Затания и Иропонера уставились друг на друга в ожидании. Наконец, Иропонера не выдержала.

— Почему ты осталась? Тебя не беспокоит сегодняшнее происшествие?

— Беспокоит, но не настолько, чтобы идти с этим к врачу. А ты, почему ты тоже здесь?

— Не знаю. Наверное, я просто не хочу уходить.

— И я не хочу. Но не стоять же здесь до вечера.

— Пойдем со мной. Проверим одну идею, — загадочно сказала Иропонера.

— Куда?

— В Храм.

Храм стоял в соседнем квартале, как раз между старым Инкубатором и Дворцом. Собственно, он и был

прежним Дворцом, но его переделали под Храм, когда построили новый Дворец и Королева переехала туда.

Судя по состоянию каменных блоков, составлявших стены Храма, он несколько раз разрушался и перестраивался заново, и был гораздо старше даже Пищеблока. А возможно, и всех прочих зданий и руин в Городе.

Иропонера и Затания вошли в гулкий зал под ячеистым куполом. Огромная воронка бассейна теперь пустовала, и по спиральному пандусу можно было спуститься до самого дна.

— Пойдем.

Находиться в пустом Храме, да еще и не пятничным вечером, было крайне непривычно. Они шли, спускаясь все ниже и ниже, мимо вырезанных в камне картин легендарного прошлого.

— Вот оно, смотри.

Иропонера остановилась у очередного горельефа, изображавшего грандиозную битву людей с чудовищами.

— Не может быть!

Затания подошла поближе. Без сомнения, на горельефе были изображены существа, подобные тому, что вторглось сегодня в Инкубатор. Не просто подобные — идентичные, насколько это можно было понять из-за растрескавшегося камня и примитивной древней резьбе. Тощие, покрытые шипами, но при этом неприемлемо, вопиюще человекоподобные.

— Но ведь это значит...

— Это значит, что они уже приходили раньше. Или...

— Или придут.

— Значит, это только начало?

— Думаю, скоро узнаем... И вот тут, гляди!

Затания указала на круглую плиту, составляющую дно воронки. На ней едва виднелся полустертый барельеф — Круг Богов. Проатта, Атта и Киатта. Рождение, Молодость и Старость, изображенные ребенком, взрослой женщиной и согбенной старухой. И под ними, вверх ногами в знак ненависти и презрения — Оокерея Разрушительница.

— Это ужасно! — прошептала Затания. — Наши предки знали, *кто* это. Знали и боялись настолько, что персонификация самой смерти у них приняла форму этого существа.

— А что если все эти рельефы — не просто картины? Что если это летопись событий, которые случались на самом деле?

Они принялись вновь разглядывать резное изображение, стараясь не упустить ни единой детали.

— Зря мы это смотрим, — сказала наконец Затания. — Если это вправду летопись, то конец ее ужасен.

Предпоследняя панель изображала дымящиеся руины, заваленные телами, и торжествующих чудовищ, окруживших небольшую группу испуганных людей. Этот образ обычно назывался «Мученики».

— Последней панели нет, — заметила Иропонера, указывая на пустую нишу. — То есть это еще не конец. Мы не знаем, что там было.

— Должно быть, там что-то совсем страшное. И, наверное, картину разбили специально, чтобы не ввергать людей в ужас.

— Мы не знаем, — повторила Иропонера, но уже не так уверенно. — Может быть, ты права, а может, и нет. Может быть, там было чудесное спасение. Божественное вмешательство.

— Хорошо бы так, — Затания кивнула. — Иначе нам всем конец.

6

В Пищеблок Затания пришла поздно, и зал был забит битком. Никого из знакомых не было видно, даже Иропонера затерялась в толпе. Затания торопливо вталкивала в себя пищу, спеша закончить до вечерней воодушевляющей речи Королевы, поскольку в этом случае ей не пришлось бы слушать ее целиком: уход из зала до начала речи не считался проступком.

Дожевывая на ходу, она вышла на темнеющую улицу и быстро пошла, а затем и вовсе побежала в сторону Инкубатора.

— Затания! Подожди! — это Иропонера догоняла ее. — Ты на работу? Я тоже. Подожди меня.

Затания кивнула и сбавила темп, но не остановилась ни на миг.

— Работа меня всегда успокаивает, — сказала Иропонера. — А сейчас я в таком расстройстве, что впору идти в Лечебницу, как Экофилла и остальные. Но сейчас там уже закрыто.

— А как поможет Лечебница? Даст успокоительные капли? Но капли перестанут действовать, а причина беспокойства останется.

— Да-да, поэтому я туда и не иду.

Эвакуация в Инкубаторе уже закончилась, и солдаты-охранники беспрепятственно пропустили работников внутрь.

— Здесь хорошо ночью, — сказала Иропонера, нажимая на ручку компостера. — Людей мало, такая тишина. Я бы работала только по ночам, если бы Пищевый блок тоже работал. У меня камера дозревания, а у тебя что?

Компостер звякнул и выдал Затании билет-наряд, весь в узоре мелких дырочек.

— Рост.

— Ух ты. Какой номер?

— Три. Вот так повезло.

— Страшно?

Затания пожала плечами.

— Непокойно. Но при этом, представь себе, где-то внутри я ощущаю желание попасть туда. Это удивляет меня и немного пугает.

— Ну что ж, хорошей работы.

— И тебе.

Затания остановилась перед шлюзом. Там, где лежала убитая тварь, на полу осталось еле заметное потемнение. Не сводя с него взгляда, она надела защитный костюм и прошла процедуру входа в камеру.

Знакомый полумрак, который обычно успокаивал ее и придавал уверенности в себе и в будущем, теперь неуловимо изменился. Никаких материальных следов здесь не было, разве что отсутствующие капсулы тут и там, но осталось ощущение — отвратительное,

страшное, но одновременно манящее, как дуриан. Затания ходила вдоль рядов, прислушиваясь к себе, и заметила светлый прямоугольник на дальней стене — лист металла, прибитый толстыми гвоздями.

Внимательное изучение показало: лист закрывает пролом в стене, достаточно большой, чтобы через него мог пробраться человек. Или монстр. Слева от листа щель между блоками стены оказалась настолько широкой, что сквозь нее можно было заглянуть на ту сторону. Оттуда сочился слабый свет.

Немного поколебавшись, она прильнула глазом к щели.

— Затания? Что там?

Затания отшатнулась.

— Лептанилла? Как ты здесь оказалась?

— Тебя не было дома, и я решила, что ты можешь быть на работе.

— Но как ты вошла без пропуска?

— Мой пропуск Лаборатории действует и здесь... И вообще очень много где. Что там? — Лептанилла указала на щель.

— Посмотри сама.

За проломом была гаремная часть Дворца. Сквозь дыру виднелась галерея со стенами и колоннами из рыжего камня, освещенная резными решетчатыми фонарями.

— Вот оно как.

Лептанилла задумалась.

— Что?

— Ты понимаешь, что это значит?

— Не понимаю. О чем ты говоришь?

— Кхм. Ладно. Ты знаешь, что здесь произошло?
Почему тут дыра в стене?

— Нет, не знаю, — быстро ответила Затания.

— Понимаю, тебе нельзя об этом распространяться. Мне ты можешь сказать, мне и так уже все известно.

— О чем известно?

— О сегодняшнем инциденте. О монстре. О погибших солдатах и детях.

— Ох. Это хорошо, это значит, мне не придется обманывать тебя.

— Так вот, эта дыра... Чудовище, очевидно, пробило стену и вломилось в Инкубатор именно здесь. А значит...

— Оно пришло из Гарема.

— Также очевидно, что оно... Что в него превратился кто-то из людей.

— Очевидно?

— Конечно, — кивнула Лептанилла. — Ах да, ты же не знаешь... Мы изучили его тело у нас в Лаборатории. Оно вполне человеческое. За исключением внешности, разумеется.

— Ох! И кто же в него превратился?

— Оно пришло из Гарема, поэтому вариант только один: кто-то из Принцев.

— А охрана?

— Это точно не кто-то из охраны. Во-первых, солдаты выше ростом, а во-вторых, у него имеются... особенности анатомии, присущие только Принцам.

— Но если это был Принц, — Затания принялась нервно ходить туда-сюда, — то ведь он мог напасть и на Королеву! Какой ужас!

— Ну, нашу Королеву охраняют лучше, чем что-либо. К тому же она вполне способна дать отпор такому монстру и сама. Но вот если бы он был не один...

— Но других монстров не было!

— Не было, — согласилась Лептанилла. — Но... Какова вероятность появления такого чудовища? Ничтожно, практически исчезающе мала. Однако оно появилось. Значит, мы чего-то не знаем. Действительных причин его появления. А значит...

— Не знаем, может ли оно появиться снова, — закончила фразу Затания.

— И если появится, то будет ли оно одно. А вдруг все Принцы вдруг превратятся в таких чудовищ? Один монстр убил троих солдат! Что тогда смогут сделать десятки?

— Какой ужас! Значит, Королева в опасности!

— Боюсь, мы все в опасности.

— И что же делать? Как нам защититься?

— Если они появятся в большом количестве — не думаю, что мы что-нибудь сможем. Только если заранее подготовимся... И это именно то, зачем я сюда пришла.

— Расскажи.

— Ты же видела это существо? Ты помнишь свои чувства при этом?

— Ну, — Затания смутилась, — я испытывала странную смесь отвращения и влечения. Это неправильно, так не должно быть. Но я говорю как есть. И даже там, у двери, где остались пятна... Там, где его убили — я снова почувствовала это, хотя самого чудовища уже нет.

— Я почувствовала то же самое, — кивнула Лептанлла. — Еще одно подтверждение.

— Подтверждение чему?

— Помнишь, мы обсуждали чужих? Почему они вызывают такую ненависть? Я говорила про одну гипотезу, так вот, она подтверждается. Это существо выделяет особый запах, и мы чуем его. Точнее, сам запах незаметен, но он воздействует на нас определенным образом.

— И чужие тоже?

— Получается, что и чужие тоже, но запах там другой, он вызывает ненависть. А запах нашего монстра — это запах влечения. Так он заманивает нас, чтобы убить и съесть.

— Откуда ты знаешь про запах?

— Ну, во-первых, наблюдения говорят сами за себя. Мы с тобой почувствовали его, и ошибиться тут невозможно. А во-вторых, я же говорила, что мы изучили тело чудовища в Лаборатории. Так что сомнений быть не должно.

— Пожалуй, ты права, — сказала Затания, обдумав услышанное. — Но это все так сложно. Скажи лучше, что ты собираешься делать. Как готовиться.

— У меня есть вот этот прибор, — Лептанилла показала небольшую металлическую коробочку. — Он настроен на запах чудовища.

Она повернула рукоятку, на приборе зажглась лампа и раздался щелчок.

— Чем больше в воздухе запаха, тем чаще щелкает прибор.

Щелк.

— Как я и говорила, здесь запах присутствует.

Лептанилла поднесла прибор к щели в стене, и щелчки стали чаще.

— Тут тоже все объяснимо, чудовище касалось стены, запах сохранился на камнях.

Она повернулась к Затании.

— Нам надо проникнуть внутрь Гарема.

— Но это запрещено! Это кардинальный проступок!

— Я знаю, но другого пути нет. Нам надо провести измерения на месте. И если запаха окажется слишком много — будем бить тревогу.

— И как ты думаешь туда проникнуть?

— А вот это я хотела спросить у тебя. Ты лучше знаешь, как здесь все устроено. Может быть, есть какие-то проходы?

Затания остановилась.

— Обычных проходов тут нет в целях безопасности. Конечно, есть система вентиляции, она общая для всего дворцового комплекса... Можно использовать ее, но там довольно тесно.

— Это как раз подойдет, — кивнула Лептанилла. — Запах распространяется через вентиляцию быстрее всего. Проще будет получить нужные результаты. Веди!

7

— Мы сейчас где-то над Гаремом, — сказала Затания, останавливаясь около решетки.

Снаружи виднелись стены из рыжего резного камня. Щелчки прибора участились.

— Да, — Лептанилла потрясла прибором. — Здесь запах куда сильнее, чем в Инкубаторе... И даже сильнее, чем я ожидала.

— Что это значит?

— Непонятно. Может быть, ничего. А может быть, что-то плохое... Надо идти дальше.

Затания поползла по трубе. Двигаться приходилось в полной темноте, но она знала дорогу, как свои пальцы. Следующая решетка выходила в Главный Зал, и Затания много часов провела здесь, наблюдая за Королевой, восхищаясь ее красотой и величием.

— Еще поворот — и мы на месте, — сказала Затания, увидев впереди слабый свет. Прибор трещал без остановки.

— Вот.

Затания и Лептанилла прильнули к ячейкам решетки и содрогнулись.

Главный Зал был усеян телами солдат из личной охраны Королевы. Среди трупов выделялись темны-

ми пятнами убитые чудовища. Но самое страшное было не это.

Монстры сгрудились вокруг королевского бассейна. Они стояли и сидели у самой кромки и наблюдали за Королевой, по обыкновению лежавшей в воде.

— Что с ней? — шепотом спросила Затания.

Королева неподвижно висела под самой поверхностью, целиком уйдя в воду. Ее тело из мощного и упругого превратилось в дряблое и блеклое, и по нему то и дело пробегала волна судорог, создавая в бассейне легкую рябь.

— Самое худшее, — прошептала Лептанилла.

— Она умирает?

— Боюсь, еще хуже, — она выключила прибор. — Гораздо хуже.

Судороги участились. Королева металась в воде, словно испытывая невыносимые страдания. Монстры внимательно следили за ней.

— Что происходит?

— Смотри!

Огромное тело вдруг замерло в распростертой позе. Затания задержала дыхание, кажется, и Лептанилла тоже. Секунда за секундой время тянулось, как густеющий клей.

— Она умерла?

— Смотри!

Королева вздрогнула, собралась и поплыла. Движения ее были резкими и неестественными. Она достигла края бассейна и полезла на сушу, и монстры

расступились перед ней. Но пока она лезла, кожа ее расползалась и падала лоскутами, обнажая бордовые пластины с острыми шипами.

— О нет! Этого не должно быть! — Затания закрыла лицо руками.

— Что ж, мы боялись именно этого. Выходит, действительно запах чудовищ заставляет людей превращаться в них. И теперь всему конец.

— Может быть, еще не конец? Еще можно что-то сделать? Убить чудовищ?

— Боюсь, уже поздно... Знаешь, что за вода в этом бассейне?

— Что?

— Королева своим ежедневным омовением придает воде святость. А дальше эта святая вода поступает в Пищеблок и добавляется в еду, чтобы все могли быть сопричастны.

— О нет! — Затания поняла, к чему идет речь.

— Сколько вредного запаха попало в воду? И это все теперь смешивается с едой, и на рассвете все получают свою дозу.

— И все тоже станут монстрами?!

— Да. Или нет. Может быть, вообще ничего не случится. Нельзя сказать наверняка, что будет дальше. Все, что нам остается — это наблюдать.

— Наблюдать? За чем? И для чего это нам?

— Ради науки! — сказала Лептанилла. — Я как Ученый не могу пропустить такую возможность.

— Но нам надо спастись! Уходить отсюда!

— Куда? Ты видела, сколько там чудовищ? Они на-верняка разошлись по всему дворцовому комплексу. Мы не сможем уйти далеко. А в этой трубе мы в относительной безопасности. Нет, я пережду здесь настолько долго, насколько смогу.

— А что дальше? Все равно придется выходить, хотя бы чтобы поесть. И потом, долго — это сколько?

— Я не могу этого знать, Затания. Я, как и ты, первый раз в таком положении.

— Ну, хорошо, допустим, мы переждем здесь, — Затания уже внутренне смирилась с вынужденным заточением. — Но как мы узнаем, что уже пора выходить, что снаружи уже все хорошо, если у нас нет никакой связи с внешним миром?

— Хороший вопрос! У вас тут где-нибудь есть радио?

— Кажется, да, в рекреации, а что...

— Нам надо добраться до него. Тогда мы хотя бы сможем слушать новости.

— Ух ты, а я сразу и не подумала. Хорошая мысль!

— Тогда пойдем скорее.

Монстры уже разошлись из Главного зала. Затания и Лептанилла поползли по трубе в обратную сторону.

— Здесь одна из камер созревания, — Затания приподняла шторку воздушного клапана на очередной решетке. — Они и сюда добрались!

Капсулы были разбиты, эмбрионы, очевидно, съедены, а несколько монстров копались в осколках, пытаясь отыскать еще что-нибудь.

— Это катастрофа!

Они поползли дальше, но в каждой камере Инкубатора, в которую им удалось заглянуть, картина была одна и та же: разгром и страшное пиршество чудовищ.

— Здесь рекреация, — Затания остановилась. — Надо спуститься туда, но мне страшно.

— Тут никого нет, — Лептанилла внимательно осмотрела помещение. — И вряд ли они сюда придут, здесь нет ничего... съедобного.

— А если они услышат шум?

— Значит, надо действовать очень тихо.

Затания собралась с силами и, приоткрыв решетку, прыгнула вниз.

Радио стояло в книжном шкафу у дальней стены. Стараясь не издавать ни звука, то и дело оглядываясь на дверь, Затания подкралась к шкафу, медленно подняла приемник и вернулась к решетке.

— Не дотягиваюсь!

Затания поставила приемник на пол и поволокла стул поближе к решетке. Разумеется, он предательски закрипел ножками, этот скрежет прозвучал в напряженной тишине как взрыв.

— Вот зараза!

С трудом подняв тяжелый стул, Затания донесла его до стены и как можно аккуратнее поставила на пол, но, конечно же, тихо уже не получилось. Она

схватила приемник, вскочила на стул, передала радио Лептанилле и сама принялась подтягиваться наверх. Последний толчок — и она в укрытии, а снизу донесся грохот: это опрокинулся стул, который она неловко толкнула.

— Услышали?

Лептанилла и Затания обратились в слух. Тишина сковывала, как тягучий клей, и вскоре снизу донеслись быстрые шаги. Дверь распахнулась и чудовища ворвались в рекреацию, обнюхали все углы и сгрудились около решетки — там, где Затания простояла дольше всего. Но, к счастью, на самую решетку они не обратили никакого внимания. Постояв некоторое время, они успокоились и пошли прочь из помещения.

8

— Я никогда не бывала на крыше Инкубатора... Да и вообще на крыше чего-либо, — сказала Лептанилла.

По вентиляционной трубе они выбрались наверх, чтобы послушать радио там, где чудовища их точно не услышат. Солнце уже поднялось, и в эфире была утренняя пищеварительная передача.

— А ведь люди сейчас едят, — Затания указала на Пищеблок.

— И отравляются, сами того не зная, — кивнула Лептанилла. — Скоро должна начаться воодушевляющая речь, и тогда все откроется.

Наконец, раздался предупредительный свист.

— Слушайте! Слушайте все! — произнесла диктор. — Говорит Королева Фейдоле Альфа! О ужас, что это?! Кто это? Нет! Нет!! — затем послышался леденящий вопль и нечеловеческое рычание, и передача прервалась.

Затания и Лептанилла подошли к краю крыши, чтобы лучше видеть улицы внизу. Из Пищеблока выбегали перепуганные люди.

— Началось.

Вдруг ворота Дворца распахнулись, и оттуда выбежали твари.

— Гляди! — Лептанилла указала вниз. — Видишь? Они крупнее тех, кого мы видели. Значит...

— Это солдаты королевской стражи!

Монстры и люди сошлись на Дворцовой площади. С крыши крики были почти не слышны, но зрелище было ужасающим. Два отряда солдат ворвались на площадь и тут же атаковали распоясавшихся чудовищ. Выжившие люди в ужасе спасались бегством, помогая раненым.

Хотя чудовища были сильнее и проворнее, солдаты брали числом, а их длинные пики не давали врагам подобраться вплотную. И все равно они несли потери. Ценой огромных усилий твареудалось отеснить обратно ко Дворцу, загнать оставшихся внутрь и заблокировать врата.

— Победа, — прошептала Затания.

— Вот бы все оказалось так легко, — покачала головой Лептанилла. — Вот бы мы ошиблись насчет воды.

— Но других чудовищ пока не видно.

— Пока.

Солдаты очистили площадь от тел и ушли, оставив несколько часовых у дворцовых врат. Улицы опустели, перепуганные люди отправились на работу, а раненых отнесли в Лечебницу, и Город погрузился в обычную полуденную дремоту.

— Никогда раньше не видела Город таким безлюдным, — сказала Затания. — Так неприятно.

— Ты живешь по основному режиму, поэтому вокруг тебя всегда люди. Как ты думаешь, что творится

на улице, когда все на работе? Или ночью, когда все спят?

— Почему-то не задумывалась об этом. Но да, ты права.

Лептанилла кивнула.

— Мне приходилось бывать на улице в рабочее время. И будь уверена, город так же пуст. Из-за этого постоянно кажется, что все неправильно. Но сегодня — сейчас — все не так. Все еще хуже.

— Ты тоже это чувствуешь?

— Все неправильно, — Лептанилла опять кивнула. — И не просто неправильно, а в корне, фундаментально! Как будто сама реальность изменилась, просто мы еще не поняли, как именно.

— Ах, скорее бы понять. Скорее бы все это кончилось.

Казалось, само Солнце светит не в полную силу, ожидая развязки.

Купол Дворца задрожал, растрескался и осыпался внутрь с глухим гулом, и чудовище, некогда бывшее Королевой, взмыло в воздух, расправив сверкающие крылья. Оно зависло над руинами, а потом сделало несколько кругов над Городом.

— Бежим! — Лептанилла подхватила радиоприемник и помчалась к вентиляционной шахте. Затания увидела, что летающий монстр несется прямо на нее. В несколько прыжков преодолев оставшееся расстояние, она скрылась в трубе, и вовремя: бордовые когти проскребли по поверхности крыши, не найдя добычи.

— Теперь на крыше тоже небезопасно.

Лептанилла включила радио.

— ...огромный летающий монстр замечен в районе Дворца, — диктор говорила испуганно. — Ради безопасности всем следует оставаться в помещении! Мы будем держать вас в курсе событий. Не выключайте приемники, — передача сменилась обычной в это время рабочей музыкой. Бодрая мелодия казалась насмешкой над ситуацией.

— Хорошо, что радио еще работает, — сказала Лептанилла. — Неизвестно, сколько нам придется здесь просидеть.

— Надеюсь, недолго. Что мы будем есть?

— Ну, без еды можно протянуть довольно долго, если есть вода. А воду я заметила у вас в рекреации. Главное, чтобы никто из них не ворвался сюда.

Обеденное время прошло, но пищеварительная передача так и не началась, хотя поверх музыки несколько раз слышались щелчки микрофона. Затания осторожно подползла к выходу на крышу.

— Кажется, чисто.

— Что ты хочешь? Выйти наружу? Не надо, это опасно!

— Но тут никого нет! Она... оно куда-то улетело. — Затания вышла наружу и оглядела небо и разогретые солнцем крыши Города. — Все чисто.

— Ох, не стоит этого делать, — продолжала Лептанилла, однако вышла на крышу следом.

— Еды нет и, видимо, не будет, — Затания указала на Пищеблок. Около него собралась довольно большая возмущенная толпа.

Бумм!

Здание Инкубатора задрожало.

— Вон там!

Над крышами поднимался, расплываясь, столб бурой пыли.

— Там Общежития.

Вскоре со стороны Общежитий по улицам побежали паникующие люди.

— Что это?

— Боюсь, ты знаешь, что это.

Следом за людьми показались и монстры. Толпа у Пищеблока поддалась панике и рассыпалась.

— Уходим! — Лептанилла потянула Затанию к трубе. — Скорее!

Диктор, наконец, прервала совершенно неуместную энергичную музыку.

— Дорогие граждане! Вы все, наверное, слышали громкий удар. С мест сообщают, что это обрушился четвертый корпус Общежития Иота. Пострадавших нет...

Далее послышалась возня, приглушенные возгласы, а затем другой голос продолжил:

—* К сожалению, пострадавшие есть. Но главное — не это. Главное — почему он обрушился. Вам интересно узнать, почему? Так знайте: мы разрушили его специально. Зачем, спросите вы. Зачем разрушать такое

красивое здание. И я отвечаю. Чтобы похоронить под его обломками отвратительных тварей, в которых превратились несколько наших товарищей. Это произошло прямо на моих глазах! Я никогда этого не забуду! Это было ужасно! Но это были уже не люди! Нам *пришлось* убить их. Мы спасали свои жизни! Мы спасали себя и других, понимаете?! Вы понимаете, что вообще происходит? Что...

Голос прервался на полуслове, как будто ей отключили микрофон, и снова заиграла веселая музыка, звучащая откровенным издевательством.

9

Свет дня померк, и труба наполнилась темнотой.

— Ужина тоже не будет, — заметила Лептанилла.

— Может, выйдем наружу?

— Зачем?

— Мне надоело здесь сидеть.

— Как угодно. Я не пойду.

Затания осторожно выползла на крышу. Над западным горизонтом едва светилась вечерняя заря, а ущербная луна только-только поднялась на востоке, и улицы были погружены в густую тень. Но Город не спал. Тут и там поднимались столбы дыма, подсвеченные зловещим оранжевым огнем, доносились далекие крики и грохот разрушения.

— Возвращайся! — крикнула Лептанилла. — Радио говорит.

— ...из Храма, где собрались жители нашего Города. Люди напуганы, много раненых. Воздух пропитан паникой. Все надеются, что здание Храма — большое и прочное — будет надежной защитой. Но если вы слышите эту передачу — не пытайтесь добраться сюда, повторяю, не пытайтесь добраться сюда! Оставайтесь на месте. На улицах слишком опасно. Забаррикадируйте двери и ждите.

— Чего ждать? — спросила Затания, но ответа, разумеется, не последовало.

— Я вижу какое-то волнение в глубине, — продолжила диктор. — Сейчас подойду поближе и сообщу подробности. Люди собрались в самом низу Спирали и о чем-то спорят. Что здесь происходит, расскажите?

— Посмотрите, посмотрите сюда! — послышался новый голос. — Разве это не они?

— Мне демонстрируют резную панель с изображением «Мучеников». Вы все, должно быть, видели ее, но если не видели... Что ж... — диктор запнулась, — достаточно выглянуть в окно, чтобы увидеть ее. Да-да. Я со всей ответственностью заявляю: то, что творится сейчас в нашем замечательном Городе, все эти смерти и разрушения — все это вырезано в камне здесь, в сердце нашего Храма. Это пророчество наших предков. Они предупреждали нас... О нет! — на фоне раздался шум и крики. — Твари здесь! Как они могли проникнуть сюда?

— Превратились! Превратились! — послышались голоса. — Прямо здесь превратились!

— Кажется, дорогие слушатели, некоторые из людей, нашедших укрытие здесь, в Храме, только что превратились в чудовищ... Что ж, полагаю, это моя последняя передача... И их так много! О Атта, я вижу, как происходит... превращение... Отвратительно... О нет, только не это! Оставьте меня! Уйдите!

Голос диктора потонул в реве и передача оборвалась.

— Это же ужасно, — прошептала Затания. — Я... я не знаю, смогу ли я это вынести. Мне так плохо физически. Мне нужно поспать, вторую ночь без сна я не переживу.

— Спи прямо здесь, — сказала Лептанилла. — Другого места все равно не предвидится.

— Надеюсь, никто сюда... — Затания оборвала фразу на полуслове, потому что из трубы послышался шорох.

— На крышу, как можно тише, — прошептала Лептанилла.

Стараясь не шуметь, они выбрались из трубы и затаились.

— Когда выползет, сразу бьем по голове, — Лептанилла передала Затании радио, а сама вооружилась своим прибором.

Шорох приближался. Затания уже подняла приемник в воздух, готовая обрушить его на уродливую башку, как вдруг в трубе раздался голос:

— Кто здесь?

— Иропонера?

— Затания? Да, это я, Иропонера.

Затания подала знак Лептанилле, мол, все в порядке. Иропонера вылезла на крышу и недоверчиво осмотрела Лептаниллу.

— Как ты здесь оказалась? — сказала она наконец хором с Затанией, и продолжила, как младшая по должности:

— Мы пришли на работу, помнишь? Я пошла по наряду, работала, и вдруг все начало рушиться, и, кажется, снова появилось то самое чудовище. Я испугалась и спряталась в кладовой. Потом пришли другие чудовища, много, они ходили туда-сюда...

— Ты их видела?

— Нет, говорю же, я спряталась. Я их только слышала. Они чуяли меня, стояли под дверью, но не смогли открыть ее, то есть даже не поняли, что ее можно открыть. Потом ушли и долго не возвращались. Но выходить из кладовой я побоялась, поэтому пролезла в вентиляцию и... и вот, я здесь.

— Понятно. Значит, мы попали в вентиляцию еще раньше. Лептанилла хотела исследовать состав воздуха... А потом все началось, и мы уже не выходили отсюда.

— Что началось?

— Ах да, ты же не знаешь, — Затания подвела Иропонеру к краю крыши и обвела рукой город. — Смотри. Все рушится. Все, как мы боялись. Чудовища повсюду. Люди превращаются в них. Даже солдаты. Даже Королева...

Иропонера молча осматривала истерзанный Город.

— Значит, все правда, — она сокрушенно покачала головой. — Я была права. Все сбывается. Всему конец!

— Здесь мы в безопасности, — Лептанилла погладила ее по плечу. — Насколько это вообще возможно сейчас.

— А какой смысл? Зачем быть в безопасности, если наша цивилизация пала? Продлевать себе мучение?

— Надо бороться! Наверняка есть еще уцелевшие! Надо объединиться...

— Объединиться? Зачем? Чтобы бороться с этими дьяволами? Не смешите меня.

— Объединиться, чтобы выжить, — сказала Затания. — Выжить и возродить человечество.

— Возродить? — в глазах Иропонеры сверкнуло безумие. — Возродить! Да ты лучше моего знаешь, что это невозможно без Королевы! Не носи чуши! Лучше признай очевидное: мы все умрем, и очень скоро! Пророчество не врет! Наши предки не врали, когда вырезали эти картины. И вы видели их, и знаете, чем все закончится! Так зачем вы упорствуете? Зачем отрицаете неизбежное?!

Она вдруг замолчала и села прямо на крышу, тело ее обмякло, а речь стала тихой и невнятной.

— Если вы хотите пребывать в плену иллюзий — тем хуже для вас. А я уже все поняла и все решила. Я никуда больше не пойду. Атга, какая жалость, что я не сходила в Лечебницу вместе со всеми! Мне бы дали успокоительного, и сейчас бы не было так тяжело...

Всхлипывая и бормоча что-то бессвязное, Иропонера улеглась на бок. Затания потянулась было к ее плечу, но Лептанилла отдернула ее.

— Что такое?

— Отойди, — в руке Лептаниллы снова появился анализатор газа.

— Зачем это?

Бормотание исчезло, а вот всхлипы стали чаще и сильнее, превратившись в судороги. Через пару минут Иропонера вовсе перестала двигаться, растянувшись в полный рост, а потом, вздрогнув, принялась неуклюже подниматься на ноги, разрывая собственную кожу.

— Давай! — Лептанилла бросилась вперед, нанося удар за ударом.

Затания подняла тяжелый радиоприемник и с хрустом припечатала макушку бывшей коллеги.

Тварь отшатнулась назад, перевалилась через парапет крыши и исчезла в тени.

10

Затания проснулась с криком и не сразу поняла, где находится. Вокруг было тихо и темно.

— Где я? Ах, да...

— Что такое? — донесся сонный голос Лептаниллы.

— Плохой сон. Хотя реальность теперь не лучше. Который час?

— Не знаю. Наверное, уже утро.

Затания выползла на крышу и потянулась. Небо на востоке уже посветлело. Над Городом плыл чад от пожаров.

Она подошла к краю крыши, куда упала Иропонера, и осторожно посмотрела вниз, но ничего не увидела, улица все еще была погружена в предрассветную тень.

— Я не могу поверить, что ее нет.

— Ты же сама все видела... — Лептанилла тоже вышла размять тело, затекшее после сна в неудобной трубе.

— Да, конечно, видела. Я понимаю, что произошло. Но все-таки... Знаешь, когда это случилось с Королевой, мне было страшно и мерзко, но и только. Но Иропонера... Я же знала ее долгое время, мы общались. И

вот она умерла прямо на моих глазах. Не просто умерла, а... Это ужасно, ужасно!

— Ужасно, — согласилась Лептанилла. — А сколько еще людей... погубло... вот так.

— Что делать дальше? Как нам теперь жить?

Солнце показалось из-за горизонта и осветило багровым светом крыши и облака дыма, плывущие над Городом.

— Надо держаться, — сказала Лептанилла. — Главное — держаться.

Ночные тени отступили, и Затания задержала дыхание. Улицы Города кишели чудовищами! Они стояли, сидели, ходили туда-сюда поодиночке и группами. Все это движение создавало иллюзию нормальной жизни, но вскоре стало ясно, что монстры просто слоняются безо всякой цели. Они сталкивались друг с другом и со стенами, внезапно останавливались или, наоборот, ускорялись, поворачивали в непредсказуемом направлении.

— Они повсюду! — прошептала Затания. — Людей больше не осталось.

— Я не хочу больше этого видеть. Отвратительное зрелище, — сказала Лептанилла через некоторое время, оглядев горизонт. — А кстати, знаешь, что меня беспокоит? Куда девалась Королева? Она ведь больше не показывалась.

— Надеюсь, она сдохла.

— Это было бы неплохо. Но я бы сходилa и посмотрела, может быть, она вернулась во Дворец. Все равно делать нам особо нечего.

Главный Зал был завален обломками разрушенного купола, но Бассейн уцелел, и тварь, что раньше была Королевой, снова сидела в воде. Монстры подходили к Бассейну, вытаскивали оттуда какие-то предметы и относили в сторонку.

— Что они делают? Что это?

— О Агга! — Лептанилла чуть не вскрикнула. — Это яйца! Она откладывает яйца!

Королева монстров действительно откладывала в воду яйцо за яйцом, а в дальнем конце зала несколько сотен яиц уже были уложены аккуратными рядами.

— Они размножаются!

— Это не кончится никогда, — прошептала Затания. — Выходит, они теперь здесь вместо нас? Вместо людей? Не хочу это видеть! — она поползла прочь.

Лептанилла догнала ее уже на крыше. Затания лежала, раскинув руки и ноги, и смотрела в небо, подернутое серой дымкой от пожарищ.

— Ничего не хочу слышать. Вообще ничего не хочу. Хочу, чтобы все было по-старому.

— По-старому уже не будет.

— Я понимаю. Поэтому не хочу *ничего*. Уйди.

— Знаешь, есть одна мысль, которая не дает мне покоя. Я скажу и уйду. Так вот. Иропонера превратилась в чудовище. Как и множество других людей.

— И что?

— А мы — нет.

— Это меня и страшит! — Затания села. — Почему мы до сих пор... люди? Это же значит, мы можем... с нами может это случиться в любой момент!

— Ну, подумай об этом, а я ухожу.

— Постой. У тебя же уже есть ответ?

Лептанилла кивнула.

— Скажи. Не хочу думать.

— Что на тебе надето?

— Защитный костюм... Ты хочешь сказать, что мы все еще живы благодаря ему?

— Это самое очевидное объяснение. Видимо, костюмы не пропускают вредный запах внутрь, мы не можем вдохнуть его, и поэтому...

— А Иропонера была без костюма, — согласилась Затания. — И надышалась. Выходит, Инструкция написана все-таки не зря.

— К тому же здесь, на крыше, запах разгоняет ветром.

— Получается, мы в безопасности?

— Пока эти твари не научатся забираться в вентиляцию.

Затания поднялась на ноги.

— Знаешь, это многое меняет. Да что там многое, почти все. Я снова чувствую надежду на будущее... И теперь хочу узнать, каким оно будет.

И потянулись дни ожидания неизвестного.

Воду добывали в рекреации, а в кладовой, про которую говорила Иропонера, нашлось довольно много грибного порошка, так что жажда и даже голод были исключены.

Пожары в Городе угасли, дым рассеялся, и небо снова было глубоко-синим в полдень и бездонным, наполненным звездами по ночам.

Королева не прекращала кладку, яйца заполнили все свободное пространство вокруг бассейна. Чудовища перекладывали их с места на место, как будто заботились о них, и куда-то уносили, когда яиц становилось слишком много.

Через пять дней из яиц вышли первые дети.

— Этого не должно быть, — прошептала Затания. — Не может быть. Как это возможно? Это же *обычные* дети! Самые обычные!

Она закрыла глаза руками.

— Не хочу видеть, как их сожрут...

— Не сожрут, — Лептанилла потрясла ее за плечо, — смотри.

Чудовища не набросились на беззащитных личинок и не растерзали их, нет. Наоборот, они взялись ухаживать за ними. Было ужасно наблюдать, как кровожадный, утыканный острыми шипами монстр бережно переносит в когтистых лапах нежное, беззащитное тельце, это казалось противоестественным.

— Так не должно быть, — твердила Затания. — Не должно.

А дети принялись за свои любимые занятия: еду и сон. Монстры принесли комья каши, похожей на грибную, и сложили ее в неровные кучи. Детей то подкладывали к этим кучам, то относили куда-то на проветривание.

— Этим вы и занимаетесь у себя в Инкубаторе? — спросила Лептанилла.

— Что? Да... нет! То есть да, мы ухаживаем за детьми, но не так! У нас есть камеры с контролем среды, у нас есть пищевые аппараты... — Затания осеклась. — Мне неприятно говорить это, но ты права, мы делаем именно это. Наши машины только помогают нам, делают нашу работу проще, но суть ее сейчас перед нами.

Она замолчала надолго.

— Если бы Инкубатора не было, если бы не было ничего, то мы бы работали вот так, — она указала вниз, где из яиц вылуплялась очередная партия личинок. — По-старинке, вручную... — она содрогнулась. — Это... неприятно. Посмотри, как они ухаживают за детьми. Мы думали, что это чудовища, но разве чудовища могут быть такими заботливыми? Они должны быть злыми и кровожадными... И они были такими. А сейчас они... изменились. И это вызывает страх.

— Это же их дети, — ответила Лептанилла, подумав. — Поэтому монстры не едят их, а, наоборот, заботятся о них. Вспомни, чудовища нападали только на людей, и никогда на других чудовищ.

— Действительно, это так.

— Но ведь выходит, что они агрессивны только по отношению к нам. Значит, их чудовищность — это лишь наше представление о них. А на самом деле...

— На самом деле они такие же, как мы! — воскликнула Затания. — Ты права, ты тысячу раз права. Ведь и мы ненавидели и убивали их... Просто у нас это получалось хуже, потому что у нас нет таких острых шипов и когтей.

11

Еще через пять дней кладка яиц прекратилась. Королева почти перестала показываться из своего бассейна. А дети чудовищ все выходили на свет, ели и росли.

— Скоро родятся те, кто вылупились первыми, — сказала Затания. — Еще десять дней...

Она почти все время проводила снаружи и смотрела на крыши ее Города, отчего-то казавшегося чужим и неприветливым.

— Кстати, ты замечаешь, что чудовища меняются? — Лептанилла указала вниз.

И действительно, шипы затупились, бордовый цвет уже не был таким насыщенным, да и двигались они уже не слишком проворно.

— Что с ними происходит?

— Выглядит, как будто они больны.

— Может быть, они правда больны и скоро умрут?

— Было бы великолепно. Но ведь останутся их дети.

— Если это болезнь, то, может быть, она поразит и их.

— Пойдем, посмотрим.

Но увы, личинки выглядели совершенно здоровыми. А вот королева, наоборот, была совсем плоха. Она еле-еле шевелила конечностями, а тело ее размякло и покрылось огромными волдырями.

— Неужели и правда болезнь?

Будто услышав эти слова, королева вздрогнула и полезла из бассейна на сушу. Было заметно, каких усилий ей это стоит. Несколько чудовищ подбежали помочь ей, и вскоре огромное вздутое тело распласталось на полу в бессилии. Движения ее становились все слабее, и в конце концов она пришла в полную неподвижность. Даже дыхания не было заметно.

— Что это, она умерла?

Вдруг чудовища набросились на труп и принялись рвать его на части, моментально превратив его в кучу скользких ошметков.

— О Атта, что они делают?

— Кажется, я знаю.

Монстры принесли личинок и уложили их в эту кучу, и те принялись жадно есть.

— Это не болезнь, — прошептала Затания. — Она сделала свое дело и больше не нужна. И это единственное, чем она могла сейчас помочь своим детям.

Дни тянулись за днями, толпы монстров на улицах Города редели, а те, кто все еще бродил среди опустевших зданий, выглядели все хуже. Они уже не бегали, а едва двигались, спотыкаясь и цепляясь углы. На восьмой день Затания увидела, как один из них умер пря-

мо посреди площади, просто упал и больше не поднялся. Его тело куда-то уволокли.

На девятый день тела уже лежали тут и там.

— Если так пойдет дальше, они все вымрут довольно скоро, — воодушевленно сказала Лептанилла.

На десятый день уже лишь редкие чудовища блуждали по улицам среди скорченных тел.

— Сегодня срок взросления, — напомнила Затания.

Главный зал все еще был полон личинок, что увлеченно поедали нескольких мертвых тварей. Но взрослых видно не было.

— Где же они?

Лептанилла с Затанией вышли на крышу.

— Не может быть!

Из Инкубатора на площадь выходили люди.

— Это же...

— Вот они, взрослые.

— Но это же обычные люди!

— Да... Смотри!

В толпе людей выделялась особенно плотная группа солдат.

— Новая Королева?

И действительно, среди солдат шла Королева, ошибки быть не могло. Солдаты и Принцы окружали ее, отделяя от толпы.

— Куда она идет?

А люди расходились по улицам и вскоре натолкнулись на пока живых монстров, но те были уже настоль-

ко слабы, что не смогли не то что нападать, но даже сопротивляться. Их убили моментально.

— Неужели скоро все будет кончено?

— Надеюсь.

Еще несколько дней люди выходили из Инкубатора и сразу принимались за дело: уносили с улиц мертвые тела, расчищали завалы, ремонтировали поврежденные здания. Они даже починили купол Дворца, убрали мусор из Главного зала и бассейна, и новая Королева вернулась на должное место.

Город оживал на глазах, возвращаясь к прежнему виду и режиму.

— Как думаешь, уже можно выходить?

Затания пожалала плечами.

— Мы же не станем вечно жить на этой крыше. Когда-то придется выйти. Почему не сейчас?

— Я не уверена, — сказала Затания. — Я все еще боюсь.

— Я тоже, и довольно сильно, — Лептанилла кивнула. — Но еще сильнее мне надоело прятаться. Ты же видела: угрозы больше нет.

— Что ж, полагаю, ты опять права. Пойдем.

Они проползли по трубе вентиляции, еще раз бросив взгляд на Королеву, что по-прежнему нежилась в своем бассейне, прошли через разоренный Инкубатор и ступили на залитую солнцем мостовую площади.

— Идем.

Люди поворачивались к ним, цеплялись взглядом, бросали свои дела и следили неотрывно. Вскоре вся площадь усталилась на них, в наступившей тишине было слышно, как ветер перекачивает песок.

— Почему они так смотрят на нас? Что с нами не так?

— Чужие! — истошный крик разорвал тишину. — Чужие!

— Где чужие? — Затания оглянулась по сторонам, но повсюду увидела лишь людей, указывавших на нее.

Воздух дрожал от визга. Солдаты возникли словно из ниоткуда и окружили Лептаниллу и Затанию, наставив на них свои пики.

— Что вы делаете?

Несколько солдат подскочили и сорвали с них защитные костюмы.

— Оставьте нас!

— Замолчи! — одна из солдат хлестнула Лептаниллу пикой, разбив ей кожу до крови. — Иди!

Народ стал подтягиваться к месту событий, окружая их плотной толпой. Солдаты держали людей на расстоянии, погоняя Лептаниллу с Затанией в направлении Пищеблока.

— Живо! — еще один удар.

Затания обвела взглядом лица людей.

— Откуда такая ненависть?

— Ты до сих пор не поняла?

— Что именно?

— Не поняла, что случилось? И что происходит сейчас?

— Я не... — кусок корневища прилетел и ударил Затанию по голове. — Я... О Атта!

— Теперь мы — чужие, понимаешь? Мы!

— Но почему? Ведь мы такие же люди...

— Молчать! — снова удар пикой.

— Вспомни чужих, вспомни, — зашептала Лептанилла. — Они выглядели точно так же, как мы, но их все ненавидели. А почему?

— Почему?

— Ты не помнишь? Я же говорила тебе... Почему мы боялись монстров?

— Из-за запаха?

— Да. Запах чудовищ вызывал у нас страх... А когда его концентрация выросла — и вовсе заставлял превращаться в таких же, как они. И все эти люди вокруг нас — вспомни, они родились из яиц чудовищ. Это дети монстров.

— Поэтому они хотят убить нас?

— Да нет же! Запах, запах, все дело в нем! Они чувствуют наш запах, и он пугает их, вызывает ненависть к нам, точно так же, как чужие вызывали ненависть у нас.

— О Атта! — Затания вскрикнула слишком громко, удар пикой не заставил себя ждать.

— Ох, теперь я все понимаю, — продолжила Лептанилла. — Жаль, что слишком поздно. Ведь чудовища — это и есть мы. Иначе и быть не может.

— Как это?

— А откуда они берутся? Чудовища — это бывшие люди. Но насколько бывшие? Насколько они изменились? Внешне кажется, что очень сильно, но внутри они все те же, мы успели изучить их тела. Да просто погляди вокруг: их дети совершенно обычные... — Лептанилла огляделась. — Вспомни Круг Богов: Оокерея Разрушительница изображена перевернутой. Считается, что в знак презрения. Но почему тогда Проатта и Киатта лежат? В знак чего?

— Это всем известно, — удивилась Затания. — В детстве мы лежим от неумения, а в старости — от немощи.

— Так говорят, да. Но это же чушь! Зачем изображать богов лежащими, разве это уважительно? И теперь я понимаю, что нам показывают на самом деле: они все стоят — ногами к центру Круга! Все! Одинаково!

— Стоят?

— Ну конечно! Это же объясняет все! Они равны! Ребенок, девушка, старуха — и чудовище. Это Круг Жизни, вот что это такое! После чудовища опять ребенок, и так много раз, снова и снова.

— Что ты такое говоришь?

— Да пойми же ты! Я разгадала величайшую загадку человечества. Эти твари... Это не монстры. Это еще один возраст людей. Такой же, как детство и молодость. И так же превосходящий предыдущие, как молодость превосходит детство.

— Я боюсь слышать тебя. Ты как будто восхищаешься ими.

— Разумеется, нет. Я восхищаюсь своим открытием... Знаешь, на Фермах разводят пчел. Так вот пчелы живут ровно так, по Кругу Жизни! Сначала ребенок, затем выросший ребенок, затем куколка — то, что мы бы сочли старостью — и затем взрослая пчела. И эта взрослая пчела так же отличается от предыдущих возрастов, как монстр от человека! Ты понимаешь, что это значит?

— Нет, не понимаю. Я устала думать. Скажи.

— Это значит, что монстры — это люди, только взрослые.

— Взрослые? Но ведь *мы* взрослые?!

— Получается, что нет, — Лептанилла развела руками. — Получается, что мы — просто большие дети...

— Мне трудно охватить всю ширину твоей мысли, — Затания покачала головой. — С тех пор, как мы вышли на улицу, у меня шумит в голове...

— У меня тоже шумит, но это началось не сразу. Я это почувствовала, когда с меня сняли костюм... А это значит, что мы сейчас отравлены.

— Как это?

— Почему мы не сопротивлялись им? Я не ощущаю на это ни сил, ни желания, но почему? Я отвечаю: это тоже запах. *Их* запах. Теперь он угнетает нас. Точно так же, как наш запах угнетал чужих...

— Стоять! — солдаты остановили их у дверей кухни Пищблока.

— Что ж, вот и все, — сказала Лептанилла. — Переработка. Какая жалость, что я не успела поделиться своим открытием с человечеством! Это значит, что рано или поздно все это повторится, как повторялось в прошлом, а люди будут опять не готовы...

— Это печально. Но знаешь... — Затания почувствовала удар по затылку, и мир исчез.